

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 1(091)(4/9)

В.И. Красиков

АМЕРИКАНСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ ГЛАЗАМИ РОССИЯН- ИНТЕЛЛИГЕНТОВ

В истории людей всегда были группы, сословия, чьи жизненные цели и ценности более высокого идеалистического тонуса – среди общей повседневной приземленности всякий раз романтизовали, сакрализовали, делали осмысленнее и величественнее прозаическую обыденность, накладывая тем самым свой неизгладимый отпечаток на духовный, нравственно-идеологический облик той или иной эпохи¹. Ими были и жречество в древние времена, и проповедники-нонконформисты, аскеты, учителя жизни "осевой эпохи" религиозного образования, и античные философы, и образованные, идеалистически настроенные дворяне, священнослужители, и революционно-просветительские элементы поднимающегося "третьего сословия" (в том числе и ее особая русская "интеллигентная" разновидность). Их антрополого-цивилизационная функция – установление и поддержание альтруистического формата среди, как правило, себялюбивой, гедонистичной и утилитарной массы. Функция, однако, реализуется самыми необычными путями, вполне достойными "хитрости мирового разума".

И вот пришли новые времена, сформировалось общество, основанное на господстве рыночных отношений, рациональности, прагматизме и индивидуализме. Какие люди играют сакральную роль "наставников" духа в современном обществе потребления, каков их социально-психологический склад и есть ли у них та необходимая "идеалистичность", родовой, антропологический признак данной сквозной категории лиц? История предоставила в наше распоряжение уникальную возможность провести экспертизу этого вопроса, соединив, в лице невольных экспертов, и объективность взгляда извне, и идеалистическую "партийную пристрастность". Речь идет о наших соотечественниках, российских интеллигентах – по родовому определению (традициям и воспитанию) страдающих идеализмом в особо тяжелых и разнообразных формах (от "всемирной отзывчивости" и "воскресения отцов" – до нигилизма и анархизма), оказавшимися в составе эмигрантских волн из России в течение XX века в Америке – стране передового капитализма и земле обетован-

ной западного общества потребления. Объективность сего масштабного социального эксперимента задается большой контрастностью сопоставляемых обществ и менталитетов.

И что же увидели, как охарактеризовали своих братьев по разуму наши интеллигалы: какова она, американская "интеллигалция" или же ее нет – в силу царящего там, в Америке, "зоологического индивидуализма" – как уверяла нас коммунистическая пропаганда и продолжает уверять новопатриотическая?

Из знакомства со "свидетельскими показаниями" наших ироничных и наблюдательных соотечественников, формируется устойчивое впечатление о том, что "интеллигалция" – вовсе не только русское изобретение, а тотальное социально-психологическое и идеологическое явление индустриальных и транзитивных обществ. И это тем более знаменательно и парадоксально, что подобный общий знаменатель образуем диаметрально различными историко-цивилизационными путями и из контрастно отличных социально-психологических типажей.

"Знамя идеализма", идеализма столь же на редкость пафосного, как и догматично-воинственного, – впрочем, такого, каковым он и был во все предшествующие времена, – водружают и бдят возле него люди, настолько влиятельные, что контролируют, по сути, идеологическую жизнь Америки, но также и настолько беспомощные, что уже почти уподобились печально известным "элоям" Герберта Уэллса. И произошло это в результате радикального социального эксперимента – только индивидуалистического в отличие от России: монстр "зоологического индивидуализма" стал ручным и пушистым белым котенком в условиях тотальной правовой регламентации либеральных джунглей.

Итак, о ком же идет речь, каков их социально-психологический портрет и как рождается альтруизм из крайнего индивидуализма?

Это белый средний класс. Очень однородный, санированный и одномерный как еда в Макдональдсе. Он действительно целиком является продуктом капитализма – эффективным, специализированным, функциональным. Обозначает их аббревиатура WASP – белый англосакс, протестант. Впрочем, "белый" он так сказать в своей основе, что не исключает, а, наоборот, предполагает

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках выполнения научно-исследовательского проекта РГНФ № 09-03-00189-а/Р

и существенные компрадорские "цветные вкрапления". Объединяющее начало – специальность, требующая предшествующего тщательного образования и серьезной целеустремленной подготовки. Они преемники той индивидуалистско-протестантской культурной традиции, – интеллектуалов с ясной жизненной целью, людей рационального ума, желающих и умеющих добиваться успеха и счастья, – которая и создала Соединенные Штаты. Преемники, ставшие американским средним классом, молчаливым и политически корректным большинством, эквивалентом русской интеллигенции.

Что же лежит в основе духовного склада людей, пребывающих в самых разных, но, по сути, ключевых сферах американской жизни: "белых" и "синих" воротничков, университетской среде, СМИ и в Голливуде? Их три: радикальный индивидуализм, тотально-жизнеобразующий рационализм и, порождаемый первыми двумя, своеобразно-необычный для нас, идеализм.

Идеальная Автономная Профессиональная Машина (ИАПМ)

Дефиниция "идеальная" применена здесь в силу достигнутой в Америке невиданной чистоты проявления признаков "индивидуализма" и "рационализма", которые были и ранее в разных культурах, и поныне широко распространены. Здесь достигнута, вероятно, наиболее полная автономность индивида – все же в рамках ее сопряжения с другой имманентной стороной человеческой природы, солидаризмом, которая сублимируется у них в удивительную крепость индивидуальной семейной пары ("двое против остального мира"). Тотальная рационализированность жизненно-калькулятивного типа проявляется в не обычном конвенционалистско-рациональном сдвиге в исконно недоговорных, эмоционально-заповедных областях любви и семейных отношений.

"Невиданный индивидуализм", "американское заикливание на себе", "глубокая вера в свое личное, индивидуальное достоинство", "мания самостоятельности" – корневые социально-психологические признаки WASP, а по принципу мимезиса – и большинства в американском обществе, в той или иной степени его проявления. Не случайно прагматизм и бихевиоризм – самобытные национальные теории в философии и психологии, как и пришедший ко двору позитивизм, – квинтэссенция американского духа. Отсюда ведущий жизненный принцип – "знаю как" ("know how") и лишь в своей узкой области, но "не знаю зачем". Делай свое дело (бизнес), а все, что не имеет практической ценности, просто лишено смысла, т.к. отвлекает от зримого и достижимого.

Однако это вовсе и неплохо, заикленность на себе вовсе не превратила американцев в бездушных, безответственных, грубых добытчиков долларов в безжалостной борьбе с такими же. "Живешь сам – дай и другим жить", "относись к дру-

гим так же, как хочешь, чтобы относились к тебе" – эти золотые правила морали успешно реализовались в Америке, правда, опять-таки же, в несколько принуждающе-правовых условиях – когда сосед может тебя засудить за громко включенную вечером музыку, а женщина-коллега – за сексуальное домогательство взглядами. Уравнительно-правовой бихевиоризм выдрессировал таких благожелательных по виду существ, которыми не перестают восхищаться поколения наших эмигрантов. "Чрезвычайная терпимость, корректность", "приветливая улыбка, благожелательность, готовность помочь", "презумпция хорошего настроения и доброжелательства". Американский стиль: не расстраиваться ни по какому поводу. Всегда улыбаться. Из любой неприятности делать веселое приключение. То есть, может они и матерятся слегка про себя, но здесь нельзя расстраивать других. А если долго улыбаться, то, как известно, настроение улучшается.

Эмоциональная ровность, корректность, чувство дистанции распространяется и на сферы любви, семейных отношений. Понятно, что мы здесь имеем в виду некоторого рода средне-социологическую норму, которая располагается между полюсами противоположных исключений. Рациональность и прагматизм мужчин – чуть ли не их антропологически признак, удивительно же то, что здесь они столь же свойственны и женщинам WASP. Американская woman – удивительно холодна эмоционально, ее ratio под стать мужчине, ее главные качества: чувство собственного достоинства (озабоченность не быть униженной, "be used") и ориентация на мужа или бой-френда. Жертвенность ей абсолютно чужда, тем более русско-советский феномен "жалости-любви" к аутсайдерам, непризнанным гениям. Хотя ранние половые связи – норма, но если пара образована, она прочна, и чуть ли не половина знакомств переходит в брак. Это составляет разительный контраст с голливудскими фильмами – здесь царит поразительное целомудрие, часто даже ханжество. Распушенность – не для WASP, а скорее для цветной Америки, имеющей другие культурно-этнические истоки, либо для недавних эмигрантов, либо для маргиналов. Однако целомудрие не предполагает какую-то уж совсем "лебединую верность" – в ходу так называемый "цепной брак", предполагающий частую смену партнеров – с официальной регистрацией либо нерегистрируемое сожитительство (институт бой-френдов), но в обоих случаях нерушимы некие договорные обоюдные отношения, основанные на искренности и честности, до тех пор, пока есть взаимное влечение и уважение. Адюльтер осуждаем, как и уклонение от налогов, поскольку нарушает некие, признаваемые фундаментальными в этом культурном мире, обязательства индивида: будь то перед правительством (страной) или же партнером.

Любовь здесь, таким образом, спокойна и рас-

судительна, тесно переплетается со многими расчетами и совсем не жертвенна. Любовного экстаза или поэзии в атмосфере страны очень мало. Любовь – тема для этой страны чуть-чуть периферийная, как бы приданная ей извне из арсенала общечеловеческих ценностей. Кажется, американцам вполне хорошо с самими собой, поэтому острой, горячечной потребности в чужой душе и теле у них не возникает. Это имеет свои неожиданные, укрепляющие брак достоинства: страсть, как известно, скоротечна, любовная лихорадка проходит, а дети остаются. В Америке, в силу своей рациональности и серьезности, брак – более значимый институт, нежели в России, а супруг(а) – самое близкое существо, критиковать которое в кругу друзей – дикость. Институт дружбы, столь значимый и даже приоритетный в России, не имеет здесь подобного распространения – не более, чем обмен услугами, никаких тебе сердечных излияний и "плача в жилетку" – для того есть психотерапевты.

Рационализированы и отношения между родителями и детьми. Слов нет: и младенчество, и детство – заповедник теплоты и радости, однако взрослеющий ребенок постепенно становится таким же носителем всеобщих договорных отношений, цементирующих культуру WASP, как и все остальные взрослые. Отсюда своеобразные отношения между взрослеющими и взрослыми детьми и родителями. Наша культура их вроде как, частично, оценивает скорее положительно – самофинансирование образования детьми, даже в богатых семьях (развитие так сказать самостоятельности); но в другой их части склонна скорее осуждать – доживание родителей в домах престарелых.

Подобная эмоциональная ровность, избегание-сглаживание жизненной остроты и угловатостей, гедонизм порождают любопытные экзистенциально-психологические и мировоззренческо-философские следствия. Равнодистанцированность – и от окружающих, дальних и близких, и от себя самого – порождает некое самодовольное пребывание в условно-счастливом мире "индивидуалистической самодостаточности". Это внушается культурой WASP и в большинстве случаев срабатывает, даже если (как правило) сама индивидуальность представляет собой типичную заурядность, если не сказать больше. Отсюда те известные черты американской культуры как погруженность в себя, мессианство и пафосность. Они все знают, и поэтому их взгляды правильны и не могут быть изменены.

Подобная позиция рационального контроля над эмоциональной сферой не нова и воспроизводит, по существу, стоическое отношение к жизни: не принимай ничего близко к сердцу, дабы возможная неизбежная потеря не наносила ущерба благодатному внутреннему равновесию. И древний, и новый стоицизм – продукты двух самых мультикультурных и космополитичных империй,

когда только существовавших в истории людей. Даром, что кинематографическая и художественная антиутопическая рефлексия об обществе тотального искоренения эмоций и предельной рационализированности стали чуть ли общим местом в современной массовой культуре.

Осенью 1926 года Алиса Розенбаум, бывшая студентка Н. Лосского, прибывшая в Америку и ставшая здесь Айн Рэнд, была поражена расхождением между своим прежним представлением о стране индивидуалистов и рационалистов и настроениями, господствующими в академической и художественной среде. И произошло чудо – весьма энергичная девушка, проповедующая вульгарно-нигилистские взгляды, стала новой мессией для многих американцев, возродившая, обновившая тотальный рационализм и "героический индивидуализм". Ее романы "Fountain Head" и "Atlas Shrugged", с некой философской начинкой, продавались на Западе в количествах, уступающих только Библии, а она превратилась чуть ли не в "великого американского философа".

Ту же "левизну" и идеализацию большевиков со стороны значительной части американской интеллигенции отмечал в середине 20-х годов и Питирим Сорокин. Вся профессура, студенчество, писательство и большая часть богемы симпатизировали Советской России и ее уравнивающим идеям. О том же вспоминает и знаменитый американский социолог русского происхождения Анатолий Раппопорт, даже вступивший в 1938 г. (! – на фоне страшных известий о Большом Терроре) в КП Америки. Ситуация за прошедшие семьдесят с лишним лет лишь усугубилась – тем, что, с одной стороны, левизна перешла в крайний либерализм, с другой стороны, – движения за равноправие афроамериканцев, цветных, женщин и разного рода меньшинств хорошо использовали для завоевания позиций влиятельности презумпцию исторической виновности WASP, нечто, подобное "долгу перед народом" российской интеллигенции. Так родилась знаменитая либеральная "политкорректность" – комплекс радикально-гуманистических идей о всеобщей эмансипации, мультикультурализме и идеалистической позиции "понимания" всего и вся, переходящей в догматическое samozачаровывание, нарциссическое самолюбование и корректно-предупредительное молчание.

Ради объективности, подчеркнем, что благодаря этой позиции страна оказалась чрезвычайно жизнеспособной и в политическом, и в мировоззренческом отношении – уступчивость, понимание и нежелание обострять ситуацию позволили смягчить напряженность этнических, конфессиональных и политико-экономических противоречий.

Тем не менее, очевидны аналогии между интеллектуалами WASP (с их слабо очерченной популяцией сателлитов из других слоев) и россий-

ской интеллигенцией второй половины XIX – начала XX, подготовившей, идеологически и нравственно-политически, торжество "хама" в Октябрьской революции 1917 года и последовавшее затем существенное поражение в социальных правах и влиятельности самой страты-лидера, инициатора радикальных преобразований.

Основания для формирования комплекса виновности, лежащего в глубинах позиций "долга перед народом" и "либеральной политкорректности", формировались и в России, и в Америке, что также объединяет исторический опыт обеих стран, в результате действительно беспрецедентного в новой истории векового опыта поощряемого государством рабства крестьян и афроамериканцев. В итоге дикого насилия над людьми – и там, и там – родилась радикальная ненависть-противостояние, раскол общества на культуры, между которыми проходит сплошная стена непонимания.

Таким образом, раскол между основными культурами в странах: в дооктябрьской России явный, в современной Америке – скрытый, не публичный – первая общая черта. В России, надо отметить, изначально ожесточение было больше: в силу рабства соплеменника, однако быстрее и прошло, по мере устранения одной из сторон противостояния. В Америке ожесточение изначально было не столь интенсивным, т.к. в отношениях "господина и раба" были разные расы, чьи отличительные физиологические и психологические признаки очень ярки, а вековое нахождение рабов вне системы образования и приобщения к европейской культуре привели к апатии и самозамкнутости. Однако по мере роста расового самосознания и формирования современных культурных форм происходит усиление тенденций не только к сегрегированной автономии, но и складывание рациональной воли к культурно-политической экспансии и мирному захвату власти.

Идеалистические общественные силы появляются, прежде всего, обычно из среды образованных и правящих классов и лишь потом они выпестывливают своих сателлитов из среды угнетенных, вытесняющих затем своих учителей. В России это были поколения дворянских, "разночинных" интеллигентов, в Америке эту роль на себя взяли интеллектуалы WASP. Однако ни попытки "хождения в народ", ни заигрывания с афроамериканцами и другими "меньшинствами", все более становящимися реальным большинством, не дали результата. В России произошел русский бунт, кровавый и бессмысленный, обескровивший противостоящую крестьянам культуру. В Америке, хотя такого и не произошло, но противостояние-сосуществование на основе фактической взаимной сегрегации продолжается и это может взорвать страну в любое время – время, когда будут утрачены доходы от скрытой эксплуатации остального мира, которыми и покупают мир, которые и смягчают это корневое противостояние.

Черные и испанцы практически вытесняют белых из городов в пригороды, причем происходит это не путем насилия или оскорблений, просто разные этносы сознательно себя ограничивают, минимизируя свое пребывание на чуждых этнически территориях. Эти люди не принадлежат к европейской культуре (считай, американской), не смешиваются с белым населением нигде, кроме работы, где эта смесь чисто механическая. Концентрация носителей старой культуры и традиций стала угрожающе низкой. В Бронксе и Гарлеме есть места, куда не ступала нога белого человека. Даже сам факт появления белого в сердце Гарлема рассматривается как провокация и может вызвать соответствующую реакцию, даже без целей ограбления или изнасилования. Даже если этот белый большой либерал и защитник черных.

Вторая общая черта, изнанка комплекса виновности – это радикально уравнилельные настроения, "любовь к братьям своим меньшим", преувеличенное расшаркивание перед низшими стратами, стремление опроститься, встать на одну с ними доску и соответствующая нелюбовь, презрение к власти предрержащим, бюрократии, военным и т.п. Ведь, как и российская интеллигенция, интеллектуалы WASP никогда властью реально не обладали, это, напоминаю, люди с явно выраженной идеалистической жизненной мотивацией, хотя и не чуждые прагматизма и индивидуализма. Люди власти – совершенно иной типаж, который, конечно, представлен также и в интеллигентских институтах и даже здесь верховодит, но никогда не способен к формированию идеалистической идеологии. Для того нужны профетизм, мессианство, вера и вдохновение.

Сила интеллектуалов, либералов в том, что в современном обществе они профессионально владеют новыми ресурсами власти, такими, как СМИ и производство массовой культуры (Голливуд, писательские, художественные круги). "Профессионально" – означает то, что в рыночном обществе, несмотря на обличения тех же радикалов в господстве массового примитивного вкуса, все же продается то, что талантливо, т.е. все же всегда нужны талант, вкус, интуиция, воображение и творчество. Это же либо есть, либо его нет. Между "высоколобой" культурой – эзотерической духовной нишей для мирового влиятельного меньшинства "интернационала интеллигенции", и сегментом уже совершеннейшего примитива находится наиболее кассово успешный "средний" слой, представленный не только действительно талантливыми, но и коммерчески очень успешными интеллектуалами (Джеймс Кэмерон или же Стивен Кинг). А свободный рынок, т.е. вкусы большинства, выбирает самых успешных. То же относится и к журналистике, преподаванию и пр. Потому-то они и "законодатели мод" в мировоззрении.

Именно они формируют современную идео-

логию "либеральной политкорректности" с органической оппозицией своему правительству, критикой капитализма, американского истеблишмента и политической системы. Другая сторона этой идеологии – идея активной помощи всем меньшинствам, готовность искать оправдание для любого агрессивного и морально предосудительного действия с их стороны. Эта любовь напоминает такую же страсть российской интеллигенции к "трудовым элементам" и этническим меньшинствам, провозглашение их "солью земли" и "основой основ", которые сначала всерьез тому поверили, а затем всерьез и стали новыми господами.

То же и в Америке – манифестация тотального равенства и отказ принимать во внимание реальные серьезные культурно-расовые, интеллектуальные, социальные различия привели к появлению паразитизма, хамства и новых форм дискриминации.

Стало неприлично, а в социальном плане и опасно, говорить, что шлюха – это шлюха, а не sex-worker, что наркоман и алкоголик отвратительны, опасны и сами виноваты в своих поступках.

Профессора дрожат на лекции от страха сказать что-нибудь, что хоть отдаленно могло быть интерпретировано как неуважение к черным или женщинам. Профессор боится задать вопрос черному студенту, т.к. за двойкой может последовать обвинение в расизме, скандал, суд и расправа.

Меж тем сателлиты обретают самостоятельность. Так появляются самобытные чернокожие философы, такие как Корнель Вест (Cornel West, Princeton University), чья книга "Расовые дела"

(Race Matters, 1993), в которой остро и объективно исследуются обозначенные в названии книги проблемы, разошлась 400 тыс. тиражом. Однако перед публикой, причем, публикой международной, идеологию афроамериканцев представляют совсем другие, радикалы, такие как афроамериканский философ Луциус Аутло (Lucius Outlaw) – первый оратор на первом пленарном заседании XX Всемирного философского конгресса в Бостоне (август 1998), организаторы которого решили показать всему миру свою либеральность и терпимость.

Я своими ушами слушал его знаменательную речь экстремиста, в которой говорилось о вечной неоплатной вине всех белых перед черными, о том, что человечество – это пустая фикция: есть разные расы и у них свои неповторимые философы, выражающие самобытно-самостоятельные историко-цивилизационные пути, которым никогда не сойтись.

В итоге возникает, одновременно, социально-философская и, отчасти, горестная, констатация о функциональной роли идеалистического меньшинства в обслуживании "антропологического большинства". Пастыри оказываются всегда ослепленными своим профетическим воодушевлением и желанием улучшить этот мир, сделать его чище, человечнее и наполненным высоким смыслом, становясь, всякий раз, марионетками других слепцов, от природы не владеющими иным, не физическим, духовным видением мира. В итоге же, слепцы ведут слепцов, и все это оказывается лишь формой проявления "хитрости мирового разума" – под "мировым разумом" каждый волен понимать то, что ему кажется ближе.

□ Автор статьи:

Красиков
Владимир Иванович
- докт. филос. наук, проф. КемГУ
Email: krasikov@kemcity.ru

УДК. 174. 4

О.И. Калинина

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БИОЭТИКИ

Биоэтика – довольно молодая наука, зародившаяся в конце XX в. на Западе. Это, прежде всего, систематический анализ действий человека в биологии и медицине с точки зрения нравственных ценностей и принципов. Проблемы биоэтики актуальны и остры, хотя их корни уходят вглубь истории. Унаследованные от прошлого решения приходится заново переосмысливать.

Непосредственным источником проблем биоэтики является стремительный прогресс биомедицинских наук и технологий. Как ни парадоксально, но именно то, что замышляется и делается с единственной и, безусловно, благой целью – облегчить страдания человека, повысить качество и продолжительность его жизни, оказывается ис-

точником проблем, вызывающих в обществе серьёзные дискуссии и разногласия. При их решении люди руководствуются не одними лишь рациональными аргументами, но и тем, что диктуется традициями, ценностными установками, эмоциями. Поиски решений этих проблем – дело не только узкого круга специалистов, сколько всех и каждого из нас. Согласно Б.Г. Юдину, «поскольку проблемы эти непосредственно затрагивают не только медиков, но и всех тех, кто рано или поздно оказывается их пациентом. А это значит, что приемлемые решения биоэтических проблем должны искасться в диалоге между профессионалами – учёными и врачами, с одной стороны, и непрофессионалами, иначе говоря, обществом в